

до того как сбросить счеты
с ненавистной жизнью, не плохо бы знать,
а что там, за невидимой гранью

**Не хочу быть
героем**

18+

Между небом и землёй

Людмила Ударцева

Людмила Ударцева

**Не хочу быть героем.
Между небом и землей**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Ударцева Л. В.

Не хочу быть героем. Между небом и землей / Л. В. Ударцева —
«ЛитРес: Самиздат», 2018

Всё бы хорошо: Михаил знает, как вернуться домой, но как не ответить на искренние чувства, если даже боги уверены, что это оно, то самое, что называют любовью. И пусть она наивна и мала ростом, деревенская девчонка на двадцать лет его моложе, он не отдаст её никому. Однако, он не спасёт её от изменившегося самого себя.

Людмила Ударцева

Не хочу быть героем.

Между небом и землей

Вместо предисловия:

До того как сводить счёты с ненавистной жизнью, не плохо бы знать, а что там, за невидимой гранью.

Автор

Глава 1

«Нет. Это точно сон».

Сон в котором я увидел Есению и остановился, как вкопанный, не обращая внимания на случайные тычки людей, натъкавшихся на меня при переходе Пути. Только что, я побывал на берегу моря, куда я попал, сделав пару шагов с лесной опушки, и вот, уже вовсе не уверен, что нахожусь на Земле.

Яркая зелень не знавшей засухи травы переходила в нежную листву на тонкоствольных деревьях, похожих на плакучие ивы с листочками столь тонкими, как хвоинки, но кудрявыми и длинными, словно конская грива, свисающими роскошной бахромой с поникших веток. Рядом, большие, жёсткие листья цвета янтаря, ещё более необычные, словно заросли ламинарии клонились на ветру, прикреплённые к почве толстыми одревесневшими стволами, уходящими в мелкую траву, похожую на ворс дорого ковра. Деревья располагались группами по обеим сторонам дороги убегая к подножью белой скалы, бывшей краем одного из крутых, горных склонов, в котором как фарфоровая башня сказочного дворца из неосуществлённой мечты смелого скульптора, утопал резной фасад скрытого в горе храма.

– Завораживает, правда? – тихим, полным скрытого восторга голосом спросила Есения, подойдя к нам. Я встал посреди дороги, немой от созерцания невиданной красоты: ансамбля из небесной синевы, впитывавших яркость солнца растений и утонченной формы храма. Люди прибывали, обходили нас, так как я продолжал стоять, они, подобно любопытствующей Есении, спрашивали меня, что я чувствую, трудно ли найти, что-либо подобное и вместе со мной вздыхали, что нет прекрасней места. Вопросы раздражали, словно другие хотели отщипнуть от моего глубокого восхищения немного и для себя: бывая здесь каждый год, им непременно хотелось ещё раз пережить то потрясающее волнение, которое испытывал я, впервые увидевший творение рук дочерей богини.

– Сейчас мы подойдём ближе, вы сможете увидеть небесное сияние прямо в камне, – пообещала Есения, когда за руку повела меня дальше по широкой тропинке, и я понемногу стал приходить в себя.

Такрин рассказывал ей о том, что мы побывали в двух опустевших селениях, затем спросил:

– Узнала что-нибудь в храме?

– Нет, я только подошла. Будет время, после суда покопаюсь в свитках. И давайте условимся: кто первый освободиться, тот остальных у крыльца ждёт, – предложила она.

– Тут вам между собой придётся договариваться. Мне воевода охрану обеспечил на всё время, пока Миша занят. Так, что я от стрихшей без него не освобожусь. Ты там сильно набедокурил? А то, может, не следует, на скорую встречу надеется? – обратился он ко мне, ошалело вертящему головой по сторонам.

– Я больше, чем Михаил виновата, – призналась девушка, сокрушенно.

– Я не меньше Михаила виновата, – призналась девушка, сокрушенно.

– Пожалела, что со мной связалась? – не упустил я возможность притянуть её к себе, потискать то ли как ребёнка, то ли как жену, не задумываясь, уступил желанию перехватить её за талию, ограждая от Такрина.

– Ни капельки! За Вас беспокоюсь.

– Слушай, я вспомнил, как ты при нашей первой встрече упомила, я должен вроде кого-то спасти?

– Спасёте..., если останетесь.

– Есения, я очень надеюсь, что судьи уже сегодня скажут мне: «Иди домой». И я пойду. Но мне не наплевать на то, что с вами всеми будет. Я хочу помочь. Поэтому, пока есть время, расскажи всё, что тебе известно.

– А Вы мне поверите?

– А что есть возможность повисить градус моего удивления, после всего, что я здесь увидел?

– Папенька с маменькой не поверили.

– Придётся поверить, если это привело меня сюда.

– Ладно, расскажу, – начала она. Мы шли по дорожке к огромной скале с храмом. – Мне об этом филин рассказал, – проговорила она на одном дыхании и посмотрела на нас по очереди, проверяя реакцию.

Мы с Такрином держались сколько могли, пока не встретились глазами. Стоило заметить, что на его серьёзно выстроенной физиономии подёргивается мышца и я уже не скрывал, как мне весело. И он тоже.

Посмеялись мы от души. Спустя время, уточнил на всякий случай, удерживая за руку, вырывающуюся Есению:

– Филин – это точно не кличка?

– Говорю же птица! – она пыталась вырваться, чтобы убежать. Я держал её за талию, притянул ближе, так как она сама трепыхалась как птичка и приподнял, прижимая спиной к своей груди, дав себе ещё минутку унять спазмы смеха.

– Говорила же – не поверите! – всхлипнула девушка и ущипнула меня за руку.

– Всё сдаюсь! – я воспользовался удобным моментом, чтобы помириться. – Сенечка, я верю, верю! – я поднял руки вверх, когда она готовая сорваться на бег оттолкнулась от меня.

– Не буду рассказывать! – Мы втроём опять перегородили людям дорожку. Она метала в нас взглядом молнии, я избегал глазами Такрина, чтобы не спровоцировать новый приступ веселья.

– Когда это было? – спросил я примирительно.

– Перед Колядой. Мы в лес пошли. Маменька собирались три подушки на Юрий Холодный жертвовать, а на третью пера не хватило. У девчонок две подушечки забрали, чтобы последнюю дополнить. А им спать не на сапоге же? Вот и пошли за мохом. Филин сидел на сосне, нас не боялся. Ухать принялся: забавно так. Это все слышали, одна я вместо «Уу-хуу», разбирать слова начала. Даринка посмеялась, когда я дома спросила, слышала ли она, что филин говорил. А сказал он следующее: «Спасение придёт. Через тебя придёт». Время святок, все гадают и мы, как водится, у меня в комнате с подружками тихонько пошалили. Они по домам разошлись, а мои спать улеглись, а свечка осталась стоять на столе между двумя зеркалами. Я села рядом и стала вглядываться – прежде, хотела только огонёк задуть, но что-то в одном из зеркал заметила. Сидела, думала о том какая я глупая, но вы опять не поверите в бесконечном отражении зеркал, я что-то действительно увидела. Это не было моё отражение, так как я сидела сбоку: кто-то приближался в зеркале, неспешно так. Можете смеяться, но только полгода назад я Вас в зеркале увидела. Вот только волосы у Вас длинные были, как мне показалось.

– А я думаю, почему ты со мной такая смелая! А оказывается, мы уже полгода как знакомы, – пошутил я и хотел взять её за руку, показывая, что больше не буду её смущать. – Нет, серьёзно, больше не буду смеяться, – примирительно пообещал, сгрёб её ладошку, посылая заготовленную для таких случаев, как я надеялся, милую улыбку.

Есения, дёрнув плечом, освободила руку от моих пальцев и наказала меня за недоверие строгим взглядом. Хорошо, хоть дуться не стала, подобно нашим барышням.

– В общем, с тех пор я стала видеть Вас во сне. Вы и тогда меня доставали! Стоило мне отвлечься и несколько дней не думать о мужчине из зеркала, как Вы опять начинали мне сниться. Иногда я запоминала подробности и поняла, что предупреждаете нас о чём-то. О чём именно не могла понять. То озеро опасным казалось, то лес. За день до Открытой Седмицы к нам во двор прилетел тот же филин. Он опять принялся говорить, и я узнала, что мой суженый умрёт через три дня. Я должна была принести руну. Да, именно, руну, которая отогнала суденицу. И приспешники Зла, обладавшие телом дяденьки на громадине, Вас потеряли.

– Это всё тебе филин проухал?

– Нет, конечно. Он сказал, что суженного спасти нужно. Если я спасу его – то он спасёт нас всех. Я сразу к родителям побежала. Мама, как услышала от меня про филина, сказала, чтобы я не выдумывала небылицы, а папа покрутил пальцем у виска. В тот день я вообще не могла найти себе места от горя. Спасибо наставнице, она мне спасительную руну дала. – Есения прервала повествование, чтобы отойти с дороги в сторону. – Я вам всё после расскажу, теперь уже не успею. – Обиделась бедняжка. Природная застенчивость сдерживала её открытые проявления чувств. Но меня её нежные чувства не очень интересовали: «Подумаешь, омрачил воспоминания недоверием! Сразу бы сказала кто нашу встречу организовал, к небу бы и за ответами пошел».

– Жаль... Твой фантастический рассказ с моим появлением, так гармонично вписывался в окружающую обстановку, – продолжил иронизировать, ожидая, что она не станет убегать вперёд и расскажет, как попала на дорогу, но она просто повела нас за собой по дороге параллельной двум аллеям из высоких растений с пушистыми, словно плюшевыми кронами.

Есения вела нас за собой по дороге параллельной двум аллеям из высоких растений с пушистыми, словно плюшевыми кронами. До храма осталось перейти небольшой луг с низкой травой. С этого расстояния, я увидел, что передняя сторона храма, по архитектуре напоминающая стену остроконечного замка из белого фарфора, была украшена матовыми скульптурами с изображениями семи дев. Они, словно живые, застыли в момент исполнения молитвы и как одна смотрели в небо, взывая к появлению высшего божества. Глядя на них, можно было представить, что слышался тихий шепот, но это было лишь шуршание листьев на ветру. Ветер едва уловимый кожей и нежная зелень, словно готовая звенеть от жалоб на беспокойство... Настолько всё казалось изнеженным и хрупким: растения, резные стены, совершенные формы дев и камень, схожий с хрусталём или фарфором, если тот можно сделать прозрачным как хрусталь. Неизвестный мне монолит, служивший основой композиции, сиял, казалось сам по себе, так что поверхность освещённая солнцем выглядела более тусклой, нежели её затенённая сторона.

– Ой, – всплеснула руками Есения, – шестой пряник потеряла. Что же делать-то?

– Съешь оставшиеся пять, – предложил я, в то время как сам, унимая спазмы в желудке, подумал, не попросить ли один для себя.

– Как же так? – продолжила удрученно вздыхать девушка, – вроде шесть брала. Неужели ошиблась?

На пригорке, вдоль извилистой дорожки, вымощенной булыжниками, стояли корзинки, неумелым сплетением похожие на сорочьи гнёзда. Хотя, едва ли пернатые приделывали бы ручки сверху гнезд. Трудно представить такую практичную птицу, которая в случае опасно-

сти подхватит своё гнездо и улетит. Для верности, даже попробовал представить размер такой «птахи».

Нет. Это были именно корзины: с высокими стенками и пологим дном, небрежно сплетённые и оставленные кем-то у дороги. Когда мы поднялись вслед за Есенией на пригорок, я заметил, что в корзинках уже копились лакомства оставленные прихожанами храма: печенье, кусочки хлеба, сахара и сыра. Дно покрывали крошки. Некоторые сладости были не свежими, другие надкушенными, со следами острых мелких зубов.

– Может у вас кусочек хлебушка или вещичка забавная найдётся? Хотя, что я говорю, вы же не из дома! – Девушка, расстроено отступила и начала раскладывать пряники по одному в каждую корзинку.

Такрин откликнулся первым, забывшись, похлопал себя по карманам.

– Одежда не моя, – опомнился он. – Прости, мне нечего им предложить.

Я прошелся руками по ткани подпоясанных верёвкой джинсов – ничего, что можно было им предложить, – «Кстати, а кому им?» – Поднял руки к груди. В кармане рубахи обнаружился какой-то предмет. Я достал его и увидел, что это небольшой пузырёк, до половины наполненный жидкостью, закупоренный деревянной пробкой.

– Не помню, чтобы духи покупал. Наверное, твой отец мне их на хранение дал и забыл. Хотя, когда? Тоже не вспомню. Хочешь, возьми.

– Спасибо. А папенька не заругает?

– Не переживай, были бы сильно нужны, уже бы вспомнил. В общем, держи пузырёк вместо пряника.

Мы отошли от пригорка. – «Вот, а ты переживала», – не успел вспомнить до конца строчку из пошлого стишка, как в меня запустили камнями. Один пролетел мимо и врезался в землю, другой ударил в плечо. Оглянулся – никого. Друзья даже и не заметили, что я замешкался у корзинок.

– Ай! – вырвалось у меня, когда третий камень угодил в спину.

– Что случилось? – Есения обернулась, дожидаясь, когда я их догоню. Я прибавил шаг, как вдруг рубашка на груди натянулась, притянутая сзади, вынуждая притормозить. Я повернулся в пол оборота.

Сзади, держась зубами за выпущенный край рубашки, висел неприятного вида ребёнок. С широким лицом, усыпанным крупными пятнами веснушек, торчащими как солома в разные стороны давно не стриженными, редкими волосёнками и крупными ушами. Он был маленького роста с большой головой и коротким туловищем, одетым в просторную рубаху. И больше ничего – ни ручек, ни ножек. Уродец выпустил мою одежду, отпрыгнул и встал напротив меня, но как? Под ним я видел землю!!!

– Забери, – услышал я ворчливое бормотание, принадлежащее скорее старику, чем мальчику.

Я отвернулся в недоумении: «Кому так с малышом не повезло?» Не дожидаясь появления его родителей, поспешил за своими. Меня опять потянули назад. Я скорчил мину от досады. Как ребёнок двигался и чем он упирался, заставляя меня остановиться, ухватив зубами одежду, оставалось загадкой. А недоделанный страшноыш, подпрыгивая, словно на невидимых пружинах, обогнул меня и встал на дороге.

– Не хочу это. Дай пряник! – потребовал он.

– Нет у нас больше пряников.

– Хочу пряник! Забери это!

– Михаил, ты с кем разговариваешь?

– Не пойму, он как человек, без ручек и ножек.

– Как же так?! – Есения вернулась ко мне, но причину моего беспокойства не увидела – бесполезно искала глазами того, кто стоял, насупившись, прямо перед ней и причитала: – Игошу обидели?! Как же так!

– Он пряник просит, а флакончик, чтоб назад забрали.

Есения вернулась к корзинкам, взяла флакончик и, крайне растревоженная, подошла ко мне.

– Точно нечего ему дать?

– Да я уже сам на сто раз карманы проверил, – признался я, принимая пузырёк из её рук. Есения наклонилась над придорожным кустом, сорвала красный цветок, положила вместо пузырька и попросила,

– Прости, Игоша. Можно я тебе пряник вечером принесу?

Игоша исчез и ни мне, ни ей не ответил.

Я принял протянутую мне руку.

«Опять боится меня одного оставить, прямо как на Ладушкиной Поляне», – вспоминал я, пока мы шли к открытым дверям храма.

Иконостаса или даже отдельной иконы при входе не было. Люди входили, отвешивая поклон. Я мог предположить, что религия, исповедуемая в храме, не перекликалась ни с мусульманством, ни с христианством или буддизмом и мне не знакома. Тогда я повторил за Есенией низкий поклон и вошел. Может и не надо было, Такрин, следом за мной, как к себе домой заходил. Но он вроде как преступник, что с него взять.

Стрихши встретили нас у входа, вместо того, чтобы угрожать оружием с требованием подчинения, гиганты с почтением поклонились «арестанту» Такрину и жестами пригласили следовать за ними. Он, как обычно, был не возмутим, кивнул мне, отвечая на почитание, не больше, чем на грубые тычки мужичков на площади Царь-Града. В недоумении я мысленно завис и не заметил, как потерял его в толпе людей.

Глава 2

Внутри, храм имел одно большое помещение с тремя высокими дверями на противоположенной от входа стене: в молельню, зал суда и книгохранилище. По словам вводившей меня в курс дела Есении, тут были и закрытые для прихожан помещения, наверняка туда и увели Такрина, хотя других дверей я не видел.

Композиция общего зала, заменявшего прихожую с тремя тематическими отделами, или секциями соответствующими каждая своему назначению, была потрясающей по сложности, что было возможно осуществить, если только вырубать потолки внутри скалы. Самый высокий участок свода уходил куполом в центре зала, его украшали скульптуры, запечатлевшие чело-векоподобных существ. Кроме их нечеловеческой красоты, они отличались от людей наличием хвостов, похожих на львиные, головы некоторых из этих каменных красавиц и красавцев украшали рожки. Тело одной из них было покрыто перьями, иные очертания фигур заканчивались складками ткани, в изгибах которой открывалось сходство данных персонажей каменного эпоса с безногим карликом на поляне.

Вторая секция, уступала первой только высотой потолков, здесь главенствовали буквы и рунические знаки. Я, и без объяснений, узнал бы в ней дверь в библиотеку.

Пропорции третьего отличались не только высотой, но и шириной. Скошенная стена образовывала низкий свод, напоминая о приземлённости людей, совершивших злодеяние. Эта широкая секция, как огромной трещиной в потолке, отделялась от центральной части изображением каменной молнии. Над входом в зал суда поверхность стены запечатлела пять слов: «Устьмижи недорастлима дже догворил ресницо».

– Почему я понимаю, что говорят, а читать не могу?

– О чём Вы? Как это не можете?

В этот момент она вздрогнула от резкого звука, шаг ко мне и я спрятал её в кольцо рук. Дверь под низким сводом распахнулась. Навстречу нам бежали двое, первый мужчина, распахнувший дверь, успел поравняться с нами, в тот миг, когда сзади, сотней удавок, его обхватило нечто, похожее на тонкие пальцы-щупальцы из чёрного, блестящего волокна. На лице мужчины гримаса ужаса сменилась безумством. Вращая глазами в крайнем отчаянии, он закричал, что было сил. В то время как его подельник, обвитый с головы до ног, мог только извиваться в сочащихся слизию кольцах.

Я стоял, задыхаясь от накатившего смрада, в сомнении, а не пора ли бежать отсюда пока не поздно. Как-то сразу стало трудно удерживать себя на месте, когда узнал, что ты следующий по очереди туда, где вместо стены – вход в чистилище, населённое зловонными монстрами, с множеством рук-отростков, шарящих по периметру в поисках грешников и оставляющих гадкую, чёрную слизь в местах соприкосновения с белой стеной.

Первый мужчина вновь закричал, надрывно так, словно резанул по обострённому состраданию. Я подался вперёд, освобождаясь от обхвативших меня рук Есени. Она взмолилась, останавливая меня. В слепую, обречённый преступник судорожно цеплялся руками за угол стены. Его усилия были тщетными. Конвульсивно сжимающиеся, клубком чёрных змей пальцы, с длинными, гибкими фалангами, под тлетворным действием которых человеческая кожа сыпалась трухой, закрыли нижнюю часть его лица. Ещё до того как я успел схватить протянутую руку, их затащили назад. Дверь захлопнулась, отрезав от ненужных свидетелей стоны и крики, а стена у входа как губка впитала чёрную слизь и кровавые следы и ногти бедняги. И не осталось ничего напоминающего о расправе, только страх и трясущиеся поджилки очевидцев.

Я онемел, люди зароптали в смятении, «смертный грех» и «навек». Вопросительно взглянул на Есению, она выглядела испуганной, покачала головой, мол, понятия не имею, что это такое. Успел же привыкнуть, что она знает больше других дивных людей. Временами из-за её осведомлённости забывал, какая она молоденькая, совсем девочка, и то, что мы увидели – было ей не ведомо.

Перед залом суда остались только мы вдвоём. Время шло, а дверь не открывалась. Я решил, напоследок, выяснить, как же ей удалось затащить меня в этот опасный мир.

– Так что там филин? – прошептал я. – Когда он тебе рассказал, как в Явь попасть?

– Не филин. – Она больше не обижалась, не замечая подтекста, приняла мою мнимую невнимательность на веру и также шепотом напомнила: – Он больше не прилетал. Следующей ночью я проснулась от кошмара. В этом сновидении Вы мчались навстречу смерти и умирали, захлёбываясь в собственной крови под грудой обломков. Весь день я проплакала, так как прощалась с другом, которого не узнаю никогда, а потом пошла к началу Пути. Перешла и попала на дорогу, где нарисовала символы, не знаю откуда они пришли, я точно знала, что делаю и почему. Суденицу я не видела, но знала, что она там и какие руны тень смерти от Вас отгонят.

– Знала?

– Да, я точно знала что делать, откуда не могу сказать, ответы были в голове. Настойчивые мысли, в которых я не смела усомниться, руководили моими действиями. Дальше проще, как только Вы пообещали прийти на Поляну, я побежала домой. Родители не хотели отпускать меня на Ладушкину Поляну в этом году, поэтому папа ругал весь день, но силком удерживать не стал. – Я заслушался её голосом, она действительно умела рассказывать. Вещие сны, навязанные мысли, пересказанные шепотом перед дверью в преисподнюю... Что может быть страшнее? Только её: «Ой! Кажется, нам пора».

Дверь перед нами открылась беззвучно. Я вошел первым, скосил взгляд в угол – стена на месте. Значит, пока, мои грехи не признали смертными. Хотелось надеяться, что я покину храм через более безопасный выход.

Зал суда оказался больше, чем я мог вообразить, увидев его часть, находясь снаружи. Потолок уходил на невообразимую высоту, возможно повторяя форму скалы, в которой нахо-

дился. По периметру, вдоль каждой из сторон были высечены террасы, напоминавшие лестничные пролёты: горизонтальные и наклонные под разными углами. Цвет камня, как и всюду в храме был светящийся, белый.

За перилами длинных террас находились маленькие фигурки в светлых плащах с капюшонами. Их было не меньше сотни. Я вспомнил воришку, пойманного на ярмарке. Даже надери я ему уши, здесь его месть была не возможна. Дети (вероятно, это действительно были они), как куклы на витрине, стояли абсолютно неподвижно, что вызывало у меня беспокойство. Такое длительное пребывание в неподвижном состоянии было не возможно для слабых мышц шестилетних детей, если только их не ввели в транс. Безопасно ли пребывание в храме с монстром для детей? Вопросы без ответов накапливались в голове и без того заполненной необъяснимыми фактами, мешавшими сосредоточиться на собственной проблеме.

К выступлению на судебном заседании мне готовиться было некогда, сказать откровенно, я о нём и вспомнил-то пару раз (по дороге с Поляны в Марьинку, да ещё когда блуждал кругами по лесу). То небольшое, что принималось за крик души, спустя время, казалось просто глупым. Я быстро восстанавливал заготовленные слова:

«Заявляю, что был окольцован как птица без моего на то согласия. Вследствие этого данный союз не может считаться добровольным, а значит, вы, совершившие ошибку, должны найти способ вернуть мне свободу и родной мир. Я также прошу рассмотреть дело Сергея Павловича (не знаю как там его фамилия), так как у меня имеются подозрения, что его околдовали или опоили и в бессознательном состоянии склонили к совместному проживанию. У него имеется дочь, к которой он хотел вернуться». – И так далее и тому подобное. – «Глупо, и не спасут меня ни уверенность в голосе, ни убедительность в словах... Понятия не имею с чего начинать!» – выводы не способствовали восстановлению самообладания.

И тут, тишину разорвали слова, многократно усиленные эхо. Чёткий и громкий, хорошо поставленный мужской голос, источник которого не определялся визуально, объявил наши имена и потребовал подтверждения, что мы именно те, кого ожидали. После паузы, последовавшей за нашими «да», вопросы адресовали Есенин.

– Вы подтверждаете, что познакомились ранее и без жульничества сыскали на Поляне Лады Михаила?

– Да, – чёткий ответ отразился от стен, от чего затих не сразу.

– Вы признали Михаила мужем?

– Да, – ответ прозвучал тише.

Выдержав паузу, голос задал следующий вопрос,

– Хотели бы Вы быть ему женой всю вашу жизнь?

Брошенное резко «нет» было неожиданным. Я не думал о себе как о женской мечте, но предполагал, что она хочет носить колечко на пальце. И вдруг, – «Нет». Мгновенно погасив бунт протестующей гордости, подумал «не нужен – не надо!» не то с обидой, не то с облегчением. Оказалось, поспешил с выводом.

– Она сказала неправду, – другой голос был звонким как звук струны. Не слышал, чтобы так говорили люди. Словно связки натянуты в горле до предела, и узкая щель между ними создавала невообразимо высокие перепады.

«Эхо не отражает звук второго голоса». – Хотя, скорее всего, я начал сходить с ума от волнения.

– Почему ты лжёшь нам? – первый голос и его бесчисленные отголоски, отраженные поверхностью камня, звучали возмущённо. Есения посмотрела на меня, словно прощаясь. О чём она думала в тот миг? Зачем солгала? – Отвечай! – мужской голос требовал правды.

– Михаил... хочет... вернуться домой... Моё «да»... помешало бы ему.

Снова наступила тишина. Меня пробирала дрожь. Когда потребовали объяснений, я удержался, чтобы не взлезть со словами защиты, ведь она опять пыталась меня выгородить,

намеренно сказала, «нет», чтобы меня отпустили. И где это сделала? В храме с запертым в углу чудищем. Она необыкновенная – девушка – лучшая в двух мирах. Взяв её дрожащую руку, я тихонько сжал её пальчики и почувствовал, что готов отдать за неё жизнь, окончательно забывая слова из заготовленной речи.

Монстра на нас не натравили и то хорошо. Сбоку открылась невидимая до этого момента дверь и Есению велели выйти.

Я остался один с сотней «застывших мальчишек» вдоль стен и двумя невидимыми дикторами.

– Михаил, признал ли ты Есению на Поляне Лады?

– Я сказал, что узнал её, имея в виду именно то, что говорил.

Второй голос молчал, значит, мой ответ приняли.

– Ты хочешь иметь Есению женой?

Я услышал вопрос, на который не мог сейчас ответить однозначно и которого боялся. Пять дней многое изменили в моём понимании жизненных ценностей.

– Не знаю.

– Отвечай «да» или «нет», – велели мне.

– Не могу. В любом из двух вариантов вы распознаете неправду. «Нет» – значит отрицать, что Есения замечательная и я не перестаю ею восхищаться. Её семья принимает меня и я уверен, что не найду жены лучше, чем она. Но я по-прежнему считаю, что произошла ошибка. Если я скажу «да», то признаю женой ребёнка на двенадцать лет младше себя и в два раза меньше. «То, что предпочитаю женщин другого типа, как я понимаю, вообще, в расчёт не берётся», – подумал я. А вслух продолжил, – Я из другого мира. Какое будущее у такой семьи? Где будет наш дом, если она не сможет жить в Яви, а я здесь?

– Он говорит от сердца, – заверил второй голос.

Пауза, следовавшая далее, затянулась надолго. Я успел немного успокоиться после откровенной речи, от безделья сравнивал рост мальчишек, искал самую маленькую среди застывших фигурок (кажется в четвёртом слева), попробовал рассмотреть лица ближайших ко мне детей, но не смог, словно под капюшонами было пусто и, до того как совсем впасть в отчаяние, услышал,

– Не оценившие то, что даровано, начнут ценить обретенное с большим трудом! – Невидимый ментор, выразив осуждение моей неблагодарности, заговорил ещё громче: – Это ответ на слова ваши! Судьи же определяют виновность Михаила по двум пунктам: отказ от дара Лады и неуважение к стражам храма.

После этого маленькие «присяжные», одновременно повернулись: верхние ряды вправо, а нижние влево. Медленно, с вытянутыми вперёд и сжатыми в кулаки руками, как настоящие зомби, они двинулись друг за другом. Первый дошедший до верхнего края, разжал пальцы. Пара камней, с приглушенным шумом, скатились по скрытому желобу до середины одной из стен зала, где находились две чаши. Каждый бросил по два камня (по количеству пунктов в деле? или по количеству рук?). Камни катились вниз и, ударяясь друг о друга, скапливались на дне весов, а детские фигурки исчезали за поворотом стены.

Я увидел, что одна чаша наполнялась быстрее, она начала опускаться, в то время как другая, наоборот приподнялась. Детишки продолжали безучастно разжимать кулаки. Те, что были внизу, уже поднялись на верхнюю площадку по мере того, как бросившие камни уходили сквозь проход у верхней террасы.

Какой же вердикт они вынесли? Невозможно было определить, которая из сторон весов означала мою невиновность! Чаши не имели надписей, и когда правая сторона просела с большим перевесом, я надеялся, что это добрый знак для меня.

Последний камешек скатился вниз, и террасы опустели.

– Отныне и впредь ваша судьба в ваших руках. Лада отказывает вам в покровительстве. – До того как отголоски предупреждения затихли под сводом потолков, и меня отпустили, сбоку в стене опять образовалась дверь. Я пошел по длинному коридору, пока не очутился на крыльце у входа в храм. Закрытая за мной дверь казалась почти незаметной, она располагалась справа под искусственно вытесанным в скале гротом в форме открытой двустворчатой раковины, служившим навесом над крыльцом храма.

Есени в условленном месте встречи не было. Я надеялся, что с ней всё в порядке: наверняка она в библиотеке сидит за книжками, чтобы найти очередную подсказку. Стоял в раздумье, не зная можно ли мне вернуться в храм, если меня оттуда выпроводили на крыльцо, не понимал, как мне забрать Такрина и самое непонятное, что теперь будет.

– Эй, чего не весел? Чего голову повесил? – услышал я знакомый голос.

– Тебя отправили ко мне?

– Как видишь.

– Значит, правая чаша весов означает «оправдан».

– Означает, – подтвердил Такрин. Сторонясь женщин как огня он держался на максимальном расстоянии от людей. Мы спустились со ступенек, встали в сторонке, но так, чтобы Есения могла нас заметить.

– Я здесь такое увидел. Чёрные длинные пальцы или щупальца и темнота за дырой в стене, – поделился я пережитым ужасом.

– Сотня загребущих пальцев? Это корчебоки уносят приговорённого к смерти.

– Куда?

– В самую глубину Нави. Туда где душа, не отделённая от тела будет маяться вечно.

– Я уже думал нам конец... А ты был осуждён?

– Несколько лет назад.

– Какой приговор?

– Ни одной девственницы до конца моих дней или быть мне ни то ни сё, – он изобразил прямой ладонью, равнину на уровне «своей проблемы». Я сомневался, правильно ли его понял. Отвечая на мой немой вопрос, он подтвердил, – человеком без половых отличий.

– О, как! А если одну найти? других не трогать?

– Пробовал – фатально для единственной. Про воздержание лучше и не спрашивай. Несколько дней и... накрывает бедняжку до одури... чем дольше, тем хуже. После длительного перерыва думал, разорвут меня на кусочки. Чары рождённые в этом теле не выключишь: каждый раз: два – три дня после... и всё, конец передышке. Я ведь не злодей, веришь? Самому гадко.

– Слушай, Такрин, – начал я, – это не проклятие, а дар. Если меня в Явь не отпустят – иди туда сам. Поверь, там тебе самое место.

– У Вас сильно мужиков не хватает?

– И это тоже, но дело в другом... – я, надолго, увлёк его рассказом о свободных нравах женщин, лояльных законах и вседозволенности проявления упомянутого инстинкта в нашем современном обществе.

Его глаза наполнились блеском новых надежд.

– Зря я решил руками Микушина в Ляд перебраться!

– Зря ты царице под юбку залез!

– Ну, решил проверить, по какому принципу царицами становятся. Думал у всех вдоль, а у её поперёк!

– Ну и как? – Я едва выговорил от смеха.

– Баба – как баба! – Он не выдержал и вслед за мной рассмеялся, только потом продолжил, – Просто, это было самое верное решение свести счёты с моим беспутным существованием, – объяснил он своё согласие сгореть на костре.

- Самое верное, – согласился я.
  - Если бы не ты – пировал бы в Ляду.
  - Это типа Рая?
  - Какая Рая?
  - Рая как Рая. – Я понял, что он мыслит другими категориями и переключился на предыдущую тему, – А воевода до сих пор гадает, почему ты девок не трогаешь.
  - Пусть гадает. Решение оглашали в Атроне, я в то время там останавливался.
  - То есть, моё решение объявят в Марьинке?
  - Да, уже сегодня. Ближе к вечеру.
  - Уф-ф-ф, а я гадаю, как мне понять, что они собираются со мной дальше делать.
  - Скоро узнаем. Меня как на крыльцо выпроводили, я сразу понял, что с тобой всё обошлось.
  - Не подвёл воевода. Замолвил словечко.
  - Он тебе это обещал?
  - Да, помощь – за помощь.
- Лицо Такрина выразило недоверие с примесью иронии. Его молчание было красочнее слов. Я понял, что меня развели как великого лоха. Такрин подсластил пилюлю,
- У вас реально можно на судей влиять? – Я кивнул. – Ну, так, чего мы тут время теряем, давай-ка поспешим в мир новых возможностей.
- Я замешкался, стоит ли делиться с ним сомнениями по поводу меня и Есени. Парень он был догадливый, но не имеющий понятия о тактичности. Он присвистнул, когда перехватил мой взгляд на руке с неизменно ярким ободком на безымянном пальце.
- Не знаю сразу ли оно исчезнуть должно? Раньше-то никого не разводили, – признался он.
  - Не всё так однозначно. Есения же не хочет чтобы я ушел.
  - И ты решил деваху тятю не врачивать?!
  - Не начинай, – предупредил я.
  - Ладно, понял и заткнулся.
  - Я не могу определиться.
- Мой товарищ вопросительно вскинул бровь.
- Вопросы остались, но слишком личные. Я снова перевёл разговор в другое русло, не преминув поинтересоваться, не знает ли Такрин, кому принадлежали голоса.
- Сам голову ломал не один день.
  - Неужели это существо по ответам на сто процентов знает враньё или нет? Есения ответила «нет», я поверил, что ей всё равно, если я уйду, а голос сразу уличил её во лжи.
  - За неправду её накажут.
  - Каким образом?
  - Не знаю, но непременно накажут.

Глава 3

К тому моменту, когда Есения появилась на крыльце, его слова проросли в моём мозгу сорняками тревоги. В мыслях вертелось: «Где же она? Вдруг с ней что-нибудь сделали, а я жду, вместо того, чтобы на выручку идти». И вдруг она вышла на верхнюю ступеньку. На расстоянии, по обыкновению расцветая безмятежной улыбкой, громко сообщила:

– Эти голоса! Они принадлежат жителям Ляда! Я узнала! – Девчонка, что с ней поделать! Книжек набрала и счастлива. Наконец, она была возле меня. – Высоким голосом говорит Алконост. Написано, что она не несёт людям зла в отличие от своей сестры Сирина. Она может слышать мысли, а Сирин влияет на них, причём, весьма дурно.

У меня отлегло на сердце. Словно и не волновался вовсе, включил старшего братца, с кем чаще всего отождествлял себя рядом с ней:

– Скажи нам, как твоя пусть не дозрелая, но уже женская логика вывела на поиски невидимых обладателей голосов, когда мы надеялись, что ты за это время нашла, что-нибудь про исчезающие деревни?

– Не иначе опять посмеяться хочется?

– Угу, – не стал я лукавить.

– Не в этот раз, – заверила она. – Всё связанное с созданием Чуди или даже отдалённо относящееся к тому времени изъято для чтения и изучения мудрецами. В хранилище ничего другого не осталось, кроме судебных процессов и высших существ.

– Ладно, всё равно ты – умница, – похвалили мы и вспомнили недавний спор, – а маленькие в накидках – это дети?

– Конечно. Только тот правдив, кто ещё не научился лгать.

– Устами младенца глаголит истина, – процитировал я народную мудрость.

– Это слова, написанные в главном зале на стене. Кстати, не все они люди. Игоша и ещё пять лесавок когда-то были в храме, но теперь они наказаны, привязаны к одному месту и даже времени, не растут и не понимают ничего. Люди приходят в храм только семь дней в году, а лесавки уверены, что каждый день. Жалко их.

Ох, не вовремя она этого Игошу вспомнила: не пройдя и пяти метров по дорожке, я вынужден был вытирать щёку от капель, которые полетели в меня с пригорка.

– Не хочу! – Игоша наверняка подпрыгнул, чтобы плюнуть мне в лицо жеваными лепестками, красного цветка. – Где пряник? – Он картинно проявился передо мной, капризно насупил широкий, усыпанный яркими веснушками нос.

– Отстань, нет у меня пряников!

– Пряни-и-ик! – тянул он противным скрипучим голосом.

– Я тебе русским языком говорю – нет у меня пряников.

– Языком, языком, русским, русским, – проворчал он как старичок и, спрыгнув на край дорожки, наклонился, стал по хомячьи срывать ртом траву и жевать набивая ею обе щёки. На противной рожице отразилось довольство, словно жевал он свой долгожданный пряник, потом в несколько прыжков, оказался около меня и, как я не прикрывался, зелёные слюни вперемешку с травой полетели в мою сторону, часть попала на одежду, шею и лицо. Я обомлел, соображая, что с этим гадёнышем делать. У меня бы рука не поднялась наказывать шкодукоротышку. Я решил стерпеть, рукавом отёр лицо, вздохнул, развернулся и пошёл прочь с поляны.

– Не сердись на Игошу? – он тянул меня за рукав, побуждая вновь остановиться. Есения не двигалась, глядя на мой натянутый рукав, хотя слышать и видеть сорванца не могла.

– Игоша прости нас за гостинец. Следующий раз два пряника принесу и леденец на палочке, хочешь?

– Девочка хорошая. Игоша на неё не злиться, – он отпустил мою рубаху и остановился. – Ты наказан. Ладушка дар забирает – будет тебе «русский». Будешь ты как пенёк глупый... глу... глу... катовижну! – завернул он непонятное слово, обгоняя меня опять, но теперь он спешил рассказать, как раскаявшийся шалунишка, неуверенно и стыдливо прятал глазёнки, пытаюсь, что-то объяснить на каком-то языке. Я слов не понял, а он в сильном порыве, повторил отчётливо три слова и – «Ммуу», – чмокнул, изображая поцелуй губами. И опять – Пытакшха рапту баавлу... Ммуу! – чмокнул толстыми губами и, отпрыгнул в сторону с дорожки, встал на обочине, с видом двоечника отбывающего в углу наказание.

Есения не утратила возникшей после посещения книгохранилища весёлости:

– Полюбил тебя Игоша, – когда я ей стал жаловаться на её знакома, она потребовала, чтобы я не прибумывал, встав на носочки, стёрла с меня зелёные капли. Она поняла, что я

ребёнка не обижу и осмелела настолько, что отпустила шутку по поводу моей «широкой» внешности, удобной в качестве мишени. Я не мог придумать объяснение её хорошему настроению, пусть радуется, если хочет, изобразил лицом обиду не хуже Игошиной и попросил её продолжить невероятную историю моего спасения.

Накануне нашей встречи, она буквально не принадлежала себе, выполняла в точности всё, что ей внушили. На чёрной (мне пришлось домыслить про асфальт) дороге начертила знаки, отпугивающие злых духов или говоря «руна» она имела ввиду, что-то другое? Попытка остановить мою машину была полной самодеятельностью, так как после этого она пришла в себя, очнулась и просто не знала, что делать, вот и импровизировала, как могла. Остановила три машины – «блестящие повозки» если её цитировать,

– А Вы сидели в четвёртой и, как назло, не остановились! – Она говорила очень эмоционально, заново переживая своё путешествие в Явь.

– А кто же переход в закрытый для тебя мир обеспечил?

– Не имею представления, но наставница говорила, что помогут – это была очень точная и своевременная помощь. Что делать, прямо в голове моими мыслями было, а как Вас увидела пустота. Да ещё я записку в одной из книг нашла.

– Думаю, записку нужно отцу показать, – предложил, и она со мной согласилась.

Такрин вскинул голову, как мне казалось, тоже заинтересовался запиской, сказал мне что-то, затем, до него дошло, что я ни слова не понял. Теперь он общался только с Есенией. Почему они перешли на непонятный мне язык? Есения отвечала ему взволнованно, хотя я мог судить только по тону, что ей сделалось не весело. Мне стало обидно – не ожидал, что они так поступят. Носом чую: произошло нечто неприятное, а они не хотят мне рассказывать.

– Что за необходимость в тайнах? – Перебивая Такрина, я остановил Есению за руку, когда мне надоело вслушиваться в странные слоги с большим количеством твёрдых согласных и шипящих.

Есения искренне не понимала о чём я:

– Какие тайны? Такрин спрашивал, почему мы на чужом языке говорим. Я его убеждаю, что он ошибается и Вы туда же?

Мы оба смотрели на неё с недоумением, она, ошарашенная, спросила меня, понимаю ли я её, а потом заговорила с Такрином на другом языке, а меня заверила, что задаёт нам одинаковые вопросы. Затем опять говорила с Такрином, выслушала его и начала объяснять:

– Он считает, что нас наказали. Отняли один из даров. Оказывается, после свадьбы супруги понимают речь друг друга, если они говорят на разных языках.

– Но ты по-прежнему можешь говорить по-русски?

– Возможно, частично забрали. Ой, не знаю! Так страшно! Что теперь будет?

– А может Игоша замешан? Он не просто так второй раз в меня плюнул. Ведь я сначала его без проблем понимал, а последние слова уже не разобрал. «Глу...катовишну» что означает?

– Похоже на слово «глупый», только непривычно как-то состыковано, словно из двух слов.

– Да, он именно меня глупым и назвал. А что значит «Пытаршха»?

– Не очень понятно говорите, что-то типа малышка-жена.

– А «рапту баавлу»?

– Не буду я это повторять! – возмутилась девушка.

Такрин прыснул со смеху. Есения смутилась.

– Что это значит? – потребовал я перевода.

– Не скажу.

– Он говорил непристойности?

Есения отвернулась, смущаясь.

– Вот паршивец! – сорвался я.

Такрин заговорил тарабарщиной. Есения ответила ему раздраженно, как мне показалось, с ним не соглашаясь.

Мы перешли Путь и вернулись в Марьинку. После роскоши храма, убогость и запущенность села усиленная шоком, вызванным последней неприятностью, вновь пробудили во мне желание бежать отсюда, даже обнаружил в душе готовность умолять «Алканафту» или как там зовут то правдолюбивое существо, которое решало отпускать ли меня домой.

Но депрессивное состояние исчезло также быстро, как и появилось: сначала беззубая улыбка мужичка на скамейке у калитки, множественное пусть не русское, но и так понятное «Здравствуйте» знакомых и таких простодушных селян и мне наплевать, что я в заднице мира – главное люди здесь хорошие!

И Паныч мне обрадовался, вышел навстречу, принялся что-то рассказывать. Шутка про горку булыжников, сгруженных людьми воеводы, видимо была не плохой – да, что толку, я её не понял. Заметив наши кислые мины, он заподозрил неладное. Такрин взял один камень, потом другой, этого хватило, чтобы сделать понятный ему вывод и он отрицательно помотав головой, дав понять – чтобы он не задумал надежда не оправдалась. Я молчал, Паныч продолжил говорить со мной. Удивился безмерно, чего это я совсем не врубаюсь в местный юмор. Специально для меня новую байку приберёт. Досадно вышло.

– Я не понимаю, Паныч... – не выдержал я, и он оторопел.

Пришлось ему менять свои привычки, уже в который раз. Он, с явным неудовольствием снизошел до беседы с дочкой, прочел записку, о которой мы говорили у храма и выслушал её историю и перевела, что говорил я. В сердцах, отослал Есению к сёстрам, коронным «Брысь!», которое не спутать ни с чем, пусть и звучало оно совсем по-другому. Опять обратился ко мне и тут же скривил губы под усами, покосился в сторону комнаты девчонок, решая, не рано ли отослал переводчицу, махнул рукой, подавил тяжелый вздох и театральным жестом выразил нам приглашение к накрытому столу.

Я уплетал вторую тарелку картошки с мясом, когда Панычу пришла в голову срочная мысль, вынуждавшая обсудить содержание таинственной записки. Он сказал, что-то, показывая на буквы. Мой непонимающий вид, напомнил, что я «не бельмесь» и он, отшвырнув бумажку в сторону, под грузом неожиданной проблемы, сжал с силой кусок хлеба.

Из другой комнаты, куда хозяин поглядывал с раздражением, доносились всхлипывания. Для неискушенных девочек, чары Такрина оказались изматывающими. Гормональный шторм, накрывший их прошлой ночью, и стыдливость, давившая весь день осознанием непонятого помешательства, вызвали слёзы и панику, стоило нам заявиться в дом. Младшая, Кровинка лишь увидела темноволосого красавца в дверях – сразу зарыдала, за ней, две другие скрылись в комнате, и теперь горестно и обречённо плакали втроём. Страсти накалялись, я понял, что всё – накушался, и с сожалением поглядел на яблочный пирог. Сидеть и продолжать трапезу под скорбный аккомпанемент оказалось выше моих сил...

– Брушикане тежомбит... – прошипел хозяин. То, что из собеседников у него остался только Такрин его сильно не устраивало. – Сейнэл! – гаркнул он.

На зов пришла Есения. Сказать, что я очередной раз удивился – это ничего не сказать! Я скорее офигел, – «Это что же получается? Меня настолько от дара Лады переключало, что я не только слова, сказанные ими, как родные воспринимал, но и имена домысливал?».

Есения, точнее, как выяснилось Сейнэл, присела на стул. Когда Паныч кивнул на записку и стал браниться, я узнал, как ведут себя идеальные дочери: спина прямая, руки ладонями вниз на коленях, покорный взгляд на кончики пальцев и даже губы не поджаты, против ожидания. Как же она могла удерживать в глазах слезинки? Ааа... вот, и одна из них проложила мокрую дорожку по щеке.

«Не каменная ты, девочка. Но тебе моё уважение за выдержку. Да, воспитание у дивных деток – позавидуешь! Заорал бы он так в Германии! Дочурка давно бы дверью хлопнула, набирая номер психолога из службы поддержки».

На отца слёзы подействовали как новый раздражитель. Он покраснел, словно варёный рак, и с большим усердием накинудся с укорами.

«В чём она провинилась? Птицу слушала и о женихе мечтала?» – перебирал я предполагаемые причины упреков отца, – «Не вовремя пряник потеряла?» – Только, не Игошины это проделки. Простил он нам пряник, даже помочь попытался – но поздно. Лада уже забирала свой первый дар. Он показывал мне, уже не понимающему слова, что поцелуем малышки-жены, можно, исправить, то, что было сделано. К тому же голос предупреждал, что нужно было ценить дары, а нет – получи проблемы. Вопрос в том стоит ли пробовать вернуть дар, если я собрался домой. А она в любом случае, оставалась с разгневанным отцом. Моё сердце не выдержало.

– Прекрати! на неё! орать! – оказалось сказанным на двух языках одновременно. Такрин встал, видимо для убедительности. Казалось бы, не в нашем положении права качать, однако отец замолчал на полуслове. Насупился, как мышь на крупу, наверняка, не высказанные слова давили на щёки изнутри.

Я решил, что один поцелуй хуже уже не сделает, кивнул Панычу респект, взял под руку его дочь и повёл в ту комнату, где ночевал в первую ночь.

Конечно, была угроза, остаться со сломанной шеей, если отец не открутил, то сам её мог сломать – «жена» у меня чуть выше локтя ростом, но эта мелочь легко преодолевалась: я оторвал Есению от пола и, прижав к стене, приник к её губам. Впервые в жизни я целовал девушку, не имевшую представления, как это делается даже в теории. Когда в четырнадцать лет, на своём третьем свидании я неумело слюнявил одноклассницу, она сказала, что я целуюсь как Патрик Суэйзи из «Грязных танцев», и я был не против подобного сравнения, хотя сам я в тот день для самообразования посмотрел «Принцессу цирка».

Воспоминания прибавили мне нежности, хотелось оставить ей приятные впечатления от первого в её жизни поцелуя, и я призвал на помощь весь свой опыт. Маленький ротик и губы полные, сладкие словно конфетки, открылись. Под лёгкими ласками она расслабилась, хотя, как мне кажется, понимала, для чего я устроил столь чувственное отступление. Не позволяя себе ничего лишнего, я переключился на её щёки и запечатал напоследок её улыбку поцелуем, так сказать «контрольный в губы».

– Как ты думаешь, помогло?

– Не знаю...

– Скажи, что-нибудь, по-вашему.

– Но... я не различаю ваш или наш.

– Не различаешь? – Я решил поэкспериментировать и подтвердить одну из своих догадок, для этого, без предупреждения, заговорил на немецком, – *Du fühlst du nicht den Unterschied zwischen den Worten der Muttersprache und anderen Sprachen?* (Ты не чувствуешь разницы между словами родного и других языков?)

Её «Nein» сопровождалось подробным объяснением, что она сама удивилась, когда мы с Такрином сказали ей, что друг друга не понимаем. Оказалось – девчонка до сих пор совершенно уверена, что все на одном языке разговаривают.

Я мог бесконечно удивляться этой необычной девушке, излагавшей свои мысли на чистейшем немецком и не подозревавшей об этом. Как он ей был к лицу! У меня крышу снесло от восторга, как она легко, без акцента сплетала предложения. Девчонка с косичкой, в простеньком платье, а шпрехает, как коренная немка. Есения была самым изумительным чудом из Чуди.

Я опять её поцеловал. Не ради возвращения дара, а потому, что она вызвала во мне сильное желание сделать ей приятно. Видимо мне это не удалось. Она держалась за мои плечи и со вниманием послушной школьницы, впитывала мою не сдержанную ласку. Я не почувствовал той самоотверженной откровенности, с которой она утешала меня под деревом, а сравнение со школьницей значительно охладило мой пыл.

– Скажи мне как тебя зовут?

– Есения.

– Нет, отец называет тебя иначе. Попробуй сосредоточиться, как отец тебя назвал?

Ей было не понятным, что я от неё требую.

– Есения, – повторила она.

– Постарайся отличить... – попросил я, – «жена-малышка», «пытакшха». Чувствуешь, звуки разные. Повтори медленно, обдумывая каждый слог... «же-на ма-лыш-ка», а теперь «пы-такш-ха».

Повторяя слова по слогам, она изменилась в лице и посмотрела на меня изумлённо.

– Слоги... разные...

– Правильно. Теперь, скажи, как тебя отец из комнаты звал.

Она, не задумываясь, собиралась выпалить «Есения», я остановил её, поднеся указательный палец к её припухшим губам и опять напомнил о слогах, и наконец, она смогла перейти с языка собеседника на другой, не используемый сейчас:

– Сей-нэл? – вымолвила с сомнением.

– Молодец. Вспомни, как отец воеводу называет.

– Нла-но-мы-тиш, – мы улыбались довольные успехами.

– Сенечка, по-моему, совет Игуши дар не вернул. Придётся Панычу и дальше с Такрином шутить.

Она кивнула, соглашаясь, и подавила смешок в ответ на мою шутку.

– Ты солгала в храме ради меня, – напоминание невероятно смутило девушку. Она вырвалась из моих объятий и отошла в сторону. – Я не знаю, как нам поступить.

– Что Вы хотите услышать?

– Чего хочешь ты?

– Вы уже слышали, что я беду чувствую. Я не брошу родителей, когда зло рядом.

– Ясно... – к чему говорить, что тут не останусь? Я взял коробочку со стола, – Это серёжки. Тебе купил. Возьми, пожалуйста, – попросил я.

Она обернулась, осторожно коснулась моей открытой ладони, принимая подарок.

– Спасибо, – тихая благодарность, вызвала во мне прилив грусти.

– «Я буду лишним воспоминанием в её жизни, как и эти серёжки» – подумал я, глядя на её непроколотые мочки.

Глава 4

Звон колокола собирал жителей Марьинки на площади. Справа от нас образовалась группа любопытствующих, а паренёк-звонарь продолжал терзать железный язычок, выполняя свою задачу на совесть – собрать как можно больше зрителей.

– А новости послушать все собрались, – чужое любопытство всегда меня бесило.

– На то и рассчитано. Они свидетели: чужой позор – другим в назидание, – тихий шёпот не сгладил витающего между нами всеми напряжения. Позор – казалось, определение совсем не подходящее к семье, в которой я жил.

– Разве ты преступница?

– Не виновных в суд не вызывают.

Отец семейства заворчал. Не мог смириться, что час икс уже близко? Или не способный поржать над его остротами «родственник» стал в тягость? Он скривил кислую мину, от чего усы закрыли нижнюю губу. Скорее всего, ему, как и мне не нравилось присутствие посторонних.

Он был мрачнее тучи, смотрел вокруг сурово, и если не смог разогнать всех взглядом, то уж предупреждал точно – «Не разговорчив я весьма!»

Его суровость не подействовала. Мужики ему доверяли, он был вторым человеком после старосты, а в отсутствии первого, запершегося после похорон сына в собственном доме, оставался единственным, кого они признавали властью и обращались главным образом к нему, выясняли, по какому поводу собрание.

– «Его-то не посмеют попрекнуть. Другое дело – Есения», – предположил я с сожалением, отходя в сторонку.

Мрачный вид Паныча отогнал только, нас троих: Такрин облокотился на забор, встал подальше от всех, Есения держалась ближе ко мне.

– Они не понимают, что происходит, – подтвердила она мои предположения. – Мы уже и не помним, когда к нам стрихшы навевались.

– Вернись к отцу. Ему нужна твоя поддержка.

– Нет, дочка же – не поддержка. Он смущается оттого, что я сюда пришла. – Она впервые назвала отца в третьем лице не папенька, а «он». Что это: взросление личности или предчувствие охлаждения отношений в семье?

Мысли одна неудобнее другой. Стоять в ожидании неизвестно чего стоило мне невероятных усилий. На самом деле, я сам настоял прийти сюда раньше, чем служитель из храма начнёт бить набат. Зачем спрашивается. Лучше ждать, чем догонять: боялся, вдруг объявление вердикта случится без меня. Сразу после ужина засобирался домой, бросил в свою сумку пару вещей, оказалось, что больше и собирать нечего. Попросил Есению пойти на площадь, быть мне переводчиком. Она ответила, что пошла бы и без моей просьбы, только бы отец не запретил.

Несмотря на заметную неприязнь по случаю присутствия дочки в «мужском деле», своё мнение Паныч оставил при себе, кивком головы дал нужное разрешение и больше на нас ни разу не глянул – обиделся, может на меня, а скорее всего сразу на всех и на судьбу заодно.

Такрин хотел перебраться в Явь не меньше, чем я. Хотя по внешнему виду у него эмоций вообще не было. Я глянул на него – камень, а не человек! Стоит столбом, руки в замок на груди, взгляд равнодушный, отсутствующий. Ни за что бы ни поверил, что этот мужик тридцать минут назад повторно налетел на кулак Паныча за то, что уговаривал Есению пойти с «мужем» в Явь. Она возмущалась не меньше отца, его наглость не укладывалась в голове.

Какое ему дело? Ну, взял его прицепом с собой. Это не давало ему права соваться не в свои дела. Услышав рык Паныча, я спешно вернулся в гостиную. Такрин поглаживал челюсть, треснувшая губа изогнулась в подобии улыбки, от чего капля крови выступила на ране. Есения вцепилась мне в руку. Сбивчиво затараторила оправдания отцу. Когда узнал, за что красавчику досталось, захотел добавить. Остановило то, что он не собирался защищаться: вытер кровь, пожал плечами, потом примирительно развёл руками, словно абсолютно искренне не понял за что с ним так грубо. Такому «ангелочку» и хозяин со второй не смог врезать. Станный он парень – сам себе на уме. Теперь, когда я в одночасье перестал понимать их речь, мне ничего не оставалось, как верить словам Есени. Хотя, существовала вероятность того, что Такрина просто не так поняли.

Сколько не жди, а самое неприятное всегда случается пугающе неожиданно. Послышался шелест мощных крыльев, стрихша пронёсся над головами, заставив пригнуться от устрашающего вида теряющего высоту ящера. Взмахи огромных крыльев подняли сухие былинки сена и пыль с земли. Я прищурился, защищая глаза от мусора. Возникло ощущение, что ожил эпизод с вампирами и с оглушающим звуком хлопающих крыльев массивная туша, утяжелённая ношей, спустилась прямо в середину рассыпающейся толпы. Крепкие лапы впечатались в землю, утомлённые перелётом мышцы уронили тяжёлые крылья, пальцы с тёмными когтями разжались, опуская на землю мужчину.

Человек, с круглыми линзами очков на лице, выпрямился, поправил одежду. Летать в «объятых» стрихша никому бы не понравилось, но вероятно, боссы-небожители не позволяли «средневековому ботану» ходить пешком, дабы не испортить расшитое золотом длинное одеяние. Яркий бесформенный балахон висел на нём, как платье взрослой тётки на ребёнке. Очкарик развернул свиток и, чрезвычайно важный в исполнении своей миссии, стал читать белиберду, точнее – мой приговор. Он читал ни на кого не глядя, бубнил что-то, как выученный урок, к кому обращался – не понятно.

Мне могла помочь только Есения. Я не знал, что и думать. Смотрел то на «ботаника» в платье, то на неё. С первых слов, сжавшись в комок от волнения, она превратилась в слух и сразу пересказывать, нескончаемый, торжественный лепет не торопилась.

Я пережил несколько противоречивых приливов желчных измышлений: нетерпеливость требовала информации; благодарность к маленькой, смелой девочке дважды встававшей на мою защиту будило тревожные предчувствия; гордость стонала от осознания моей неполноценности, забывшего вдруг местный язык; а подозрительность наполняла недоверием ко всему женскому полу, – «Пусть и молодая, но ведь как можно в такой момент доверять девчонке, в чьей полной власти я, по сути, находился? Задумай она объявить мне «своё» решение суда, и не узнаю я правды, пока снова не выучу дивный язык». – Так, что существовала угроза несколько лет прожить «счастливым» в Марьинке.

Есения пихнула меня локтем,

– Подойдите к нему.

Я послушно приблизился к глашатаю и получил от него стеклянный флакончик, полную копию того, что днём обнаружил в кармане и предлагал отдать Игоше. У меня возникло чувство дежавю. Молча, я покрутил в руках пузырёк, вслушиваясь в незнакомую речь, пытался вспомнить, где же всё-таки раздобыл первый.

– Подайте ему руку, – тихонько подсказывала Есения.

Глашатай нарисовал пальцем «сороку-ворону варившую деткам кашу» у меня на ладони, чётко что-то проговаривая. Последнее повторил дважды, требовательно глядя на меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.